

Елена Викторовна Фадеева¹
ev_fadeeva@mail.ru

В.К. АРСЕНЬЕВ О ПОЛОЖЕНИИ И РОЛИ ЖЕНЩИНЫ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИМОРЬЯ И ПРИАМУРЬЯ

Владимир Клавдиевич Арсеньев — русский путешественник, географ, этнограф, писатель, исследователь Дальнего Востока, военный востоковед. Сфера его научных интересов разнообразна и обширна: география и этнография, картография, статистика, археология, геология, гидрология и метеорология, музейное дело и даже орнитология и лингвистика. На протяжении 30 лет В.К. Арсеньев занимался изучением коренных народов Дальнего Востока, главным образом удэгейцев. Учёный, помимо решения проблемы названия и самоназвания удэгейцев, собрал много данных по материальной и духовной культуре этноса; также дал сравнительный материал по одежде, средствам передвижения, постройкам и духовной культуре удэгейцев и орочей. В статье на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматриваются выделенные исследователем факторы, определяющие роль и статус женщины в традиционном обществе и семье коренных этносов Приморья и Приамурья. К ним относятся сохраняющиеся в недрах отцовского рода элементы материнского рода, нашедшие отражение в календарной обрядности и традиционных верованиях. Кроме того, достаточно высокое положение женщины определялось её разнообразной хозяйственной деятельностью, которая вносила значительную лепту в общее хозяйство семьи и имела неопределимое значение для всего традиционного общества. При необходимости женщина могла поддержать, а иногда даже подменить мужчину. В статье найдено отражение и озабоченность учёного проблемой физического и культурного выживания коренных инородцев на фоне их знакомства с китайскими отходниками и славянскими переселенцами.

Ключевые слова: коренные инородцы, Приморье, Приамурье, положение женщины, материнитет, авункулат.

Elena V. Fadeeva¹
ev_fadeeva@mail.ru

V.K. ARSENYEV ON THE POSITION AND ROLE OF A WOMEN AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES OF PRIMORYE AND AMUR REGION

Vladimir Klavdievich Arsenyev is a Russian traveler, geographer, ethnographer, writer, researcher of the Far East, military orientalist. The scope of his scientific

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

interests is diverse and extensive: geography and ethnology, cartography, statistics, archeology, geology, hydrology and meteorology, museum work, and even ornithology and linguistics. For thirty years, Arsenyev has been studying the indigenous peoples of the Far East, mainly the Udege. The scientist, in addition to solving the problem of the name and self-name of the Udege, collected a lot of data on the material and spiritual culture of the ethnic group; also gave comparative material on clothing, vehicles, buildings and spiritual culture of the Udege and Oroch. Based on archival materials and published sources, the article examines the factors identified by the researcher that determine the role and status of women in the traditional society and family of the indigenous ethnic groups of Primorye and the Amur region. These include elements of the maternal clan that are preserved in the bowels of the paternal clan and are reflected in calendar rituals and traditional beliefs. Secondly, the rather high position of a woman was determined by her diverse economic activities, which made a significant contribution to the general economy of the family, and was of inestimable importance for the entire traditional society. If necessary, a woman could support, and sometimes even replace a man. In addition, the article reflects the scientist's concern with the problem of the physical and cultural survival of indigenous aliens against the background of their acquaintance with Chinese otkhodniks and Slavic settlers.

Keywords: indigenous aliens, Primorye, Amur region, position of a woman, motherhood, avunculate.

Нынешний 2022 г. ознаменован двумя значимыми для нашей страны и истории событиями. Во-первых, этот год в РФ объявлен Годом культурного наследия народов России, что повлекло за собой заметно усилившийся интерес учёных и широкой общественности к традиционной культуре различных народов, в том числе коренных этносов Приморья и Приамурья. Во-вторых, в этом году исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося учёного и писателя В.К. Арсеньева, научные интересы которого охватывают широкий спектр областей: история, география, этнография и проч.

Цель данной статьи — показать, исходя из научных интересов автора, как В.К. Арсеньев в своих работах, посвящённых общественному и семейному строю коренных инородцев, отметил наличие у них следов матернитета, охарактеризовал формы брака, степень юридической защищённости женщин у удэгейцев, приёмы трудового воспитания девочек и т.д. Некоторые из вышеперечисленных проблем были рассмотрены нами ранее [23], поэтому на них остановимся вскользь, уделив внимание другим аспектам данного вопроса.

Учёные, исходя из положения о многолинейности исторического развития, пришли к выводу, что матриархат, очевидно, существовал, но развитие человечества шло двумя независимыми путями: одни

племена и народности (в основном земледельческие) прошли матриархальную стадию, потому и отстали в своём развитии по сравнению с теми народами, которые не проходили матриархат, другие — скотоводческие — пошли по патриархальному пути и достигли уровня образования государства. Отметим, что нередко с матриархатом путают матрилинейность — определение родства по материнской линии. Во многих культурах существовало поклонение женщинам, но это нисколько не мешало мужчинам доминировать в обществе [12, с. 48].

Между тем в памяти и в быту большинства народов Нижнего Амура ещё в начале XX в. сохранялись реликты странных социальных, нравственных, моральных, юридических и других норм, обрядов и ритуалов, в которых угадывается особое отношение к женщине, подчёркивается важность её роли. Это традиции вести происхождение и наследовать имущество по материнской, а не по отцовской линии; подчинённое положение мужчины в семье жены, особенно сразу же после свадьбы; покровительство брата женщины своим племянникам; дислокальное проживание мужчин и женщин; обилие женских демонических сил в мифологии того или иного народа; изображения матерей-прародительниц и т.д., и т.п.

Так, В.К. Арсеньев выделил у удэгейцев следующие элементы материнского права, в том числе явления типа авункулата (особое правовое положение не только братьев матери, племянников по матери, но и всех родственников из рода матери, включая её мать и сестёр, по отношению к их роли в заключении брака, к наследованию детей умерших родителей и т.п.). Они выражались в главенствующей роли родственников по материнской линии в заготовке приданого, в свадебных церемониях, религиозных обрядах, на охоте, в родовых молениях, магических приёмах, связанных с сохранением потомства, в судебных делах. Например, у удэгейцев брат девушки на плечах выносил сестру из юрты и передавал жениху. После этого зять увозил невесту в дом своих родителей [4, с. 170].

При межродовых войнах тронуть женщину или применить по отношению к ней физическое воздействие, обругать её или оскорбить было тяжким преступлением. В.К. Арсеньев отметил специфическую роль женщины в обычае кровной мести, когда она выступала средством уплаты штрафа пострадавшей стороне. Удэгейцы, как и нанайцы, и ульчи, и орочи, согласно обычаю *коктоу* (удэг.), традиционно отдавали в род убитого девушку или женщину, которая, придя в род последнего в качестве жены, должна была родить ребёнка. Таким образом, оба рода оказывались в положении сватов, что гарантировало дружеские отношения в будущем [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 107; 9, с. 79, 84; 17, с. 17].

С материнским родом у народов Амура были связаны особый культ лодки и поклонение огню. Огонь, являясь женским божеством, охранял жилище, помогал при родах, спасал людей от различных духов, очищал людей при нарушениях обрядовых установлений [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 22; 24, с. 820—821; 16, с. 107]. Хозяйка огня, символизируя собой родовой очаг, связывала отдельные семьи в род; играла роль посредника между человеком и природой, охраняла собравшихся вокруг неё людей, считавших себя её детьми.

Постепенно хозяйственная роль мужчины значительно возросла, произошёл, в конце концов, перерасчёт родства с материнской линии на отцовскую, и ореол женской святости начал постепенно утрачиваться [11, с. 68]. Как следствие этого, в фольклоре и традиционных верованиях появляются парные божества-супруги (хозяева моря, тайги, жилища, родовые покровители и т.д.) в образах седовласых старичков и старушек, среди которых мужья занимали более привилегированное положение и возвышались над женой и окружающим их миром. Так, в воззрениях народов Нижнего Амура и Приморья очаг начинает ассоциироваться уже не с одной хозяйкой огня, а с супружеской парой — стариком и старухой.

У удэгейцев высшие небесные божества представлялись антропоморфными существами в облике мужчины и женщины. При этом у удэгейцев рода Канчуга и Куинка главной считалась женщина. Покровители очага, семьи изображались у них в виде фигурок мужчины и женщины, но иногда встречались только женские фигурки. Считалось, что последние помогали женщинам вести хозяйство, растить детей, облегчали им роды [4, с. 171; 18, с. 27, 126; 19, с. 27—28].

Позднее хозяин огня стал уже однозначно мужским персонажем: *Пуза* (ороч.) — это либо старик, либо, как, например, у иманской группы удэгейцев, молодой весёлый парень. Он мог способствовать удаче на охоте, но мог и помешать ей. В этот период, возможно, возникает запрет для женщин выносить родовой огонь не только из дома мужа, но особенно из дома отца или брата. Делать это могли исключительно мужчины и только в случае крайней необходимости [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 22]. «Дух огня» обидчив, поэтому вести себя с ним надо очень осторожно, не сердить его и, в свою очередь, не сердиться самому, когда он обжигает лицо или руку. Существовало множество запретов, связанных с огнём: нельзя было резать его ножом, поливать водой, плевать в него, разбрасывать головёшки и т.п. [5, с. 586; 1, с. 41—42].

В эпоху расцвета отцовского рода широко распространился взгляд на женщину как на существо «нечистое» в силу её физиологии, берущий своё начало ещё в охотничьем периоде. Человек на опыте убедился, что

всё, что пристаёт к одежде и пахнет человеком — пот, кровь, — отгоняет чуткого зверя. И охотники связали попадание женской крови на их принадлежности с неудачей на охоте. Вследствие этого женщин отстранили от участия в промысловых обрядах, обращённых к духам — хозяевам различных стихий. Женщины практически не участвовали в «кормлениях» воды, в жертвоприношениях родовым духам-покровителям и хозяевам стихий, в медвежьем празднике, похоронах. Это объяснялось либо тем, что хозяева не терпят их присутствия, либо тем, что женщины и их мужья являются выходцами из разных родов, соответственно «чужеродкам» на празднике нет места.

Медвежий праздник носил ярко выраженный мужской характер. В.К. Арсеньев отмечал, что женщины ни под каким предлогом не могли подходить к амбарам для хранения принадлежностей к данному празднику. Объясняли это совершенно определёнными «родственными связями женщины и медведя». Так, всем тунгусо-маньчжурам Нижнего Амура был известен миф о том, как девушка вышла замуж за медведя и стала медведицей, а её младший брат по ошибке убил её. У неё родились дети-медвежата, которые и положили начало мифологической кровной связи людей с таёжным миром [4, с. 174].

У удэгейцев женщинам, допускаемым к участию в медвежьем празднике, не дозволялось есть лапы, голову, язык и сердце зверя [6, с. 148]. У орочей жене охотника, убившего медведя, можно было есть любую часть этого животного, кроме сердца [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 104, 111; 7, с. 90]. На торжественной трапезе впереди сидели мужчины, затем — женщины, отдельно от них либо вообще в другой фанзе [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 104, 111].

Спиртное на празднике могли пить лишь мужчины и старухи. Голову медведя ели только мужчины [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 48; 22, с. 184; 16, с. 205]. «Мужские» и «женские» части туши варились отдельно. Хозяин праздника передавал своей жене мясо, завернутое перед этим в бересту или тальниковую кору. Женщины должны были варить его вне дома, непременно в своей посуде, резать своим ножом. Кусочек варёного мяса хозяйка праздника бросала в костёр хозяйке огня, приговаривая: «Мясо — женский медведь, и нам его можно есть» [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 220; 15, с. 230].

В.К. Арсеньев, как и другие исследователи, отмечал, что статус женщины в традиционной семье был неодинаков и определялся множеством факторов. Всё зависело от того, какое место она занимала в данный момент в системе семейно-родственных связей, в рамках какого социума осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины контактировала [23, с. 24].

Так, например, положение невестки в семье мужа зависело от того, кто стоял во главе хозяйства: если свёкор, то она, как и её муж, должна была исполнять его волю. Молодой невесткой зачастую помыкала свекровь или старшие невестки, которые стремились переложить большую часть работ на её плечи. У удэгейцев старшей женой становилась женщина, на которой мужчина женился раньше других [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 87—88; ПМА за 2002 г.].

Младшие жёны были бесправны, они и их дети плохо питались. У орочей и нанайцев самая младшая из замужних женщин готовила обед и делала обувь для мужа, детей и гостей [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 96]. Очень тяжёлым являлось положение бездетных женщин и женщин, у которых рождались одни девочки: мужья брали себе других жён, которые быстро занимали ведущее место в семье. Плохо обращались мужья и с жёнами, приобретёнными по обычаю *кок-тоу* (удэг.), когда муж, убивший свою жену в порыве гнева, чтобы избежать кровной вражды с её родом, передавал ему свою сестру вместе с приданным или покупал другую девушку. Последние нередко подвергались издевательствам и избиениям самыми извращёнными способами [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 92; ПМА за 2002 г.].

В.К. Арсеньев посвятил немало строк и описанию различных форм брака у удэгейцев и орочей. Он указывал, что для заключения брачного договора возраст жениха и невесты значения не имел, поэтому у данных народов был распространён обычай выдачи замуж девочек и женитьбы мальчиков в раннем возрасте. Тем не менее настоящая семейная жизнь начиналась только в 14—15 лет, когда юноша мог уже самостоятельно заниматься промыслом, а девушка хорошо знала домашний быт и была способна вести хозяйство [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 105; 20, с. 178; МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 34—36; 10, с. 64; 9, с. 60].

Исследователь отмечал и наличие у всех народов региона института левирата, согласно которому вдова с детьми и имуществом умершего по истечении малых поминок переходила в качестве законной жены к следующему (как правило, младшему) родному или двоюродному брату. Когда вдова оказывалась в семье шурина со всем своим имуществом и детьми, то, как правило, она становилась «старшей» женщиной в семье, если не было матери мужа [23, с. 25].

У орочей, если вдову младшего брата брал старший брат, то последний обязан был отдать тестю живого медведя, хотя бы и небольшого [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 81]. Как мужчина не имел права отказаться принять вдову брата, так и для женщины считалось позором уйти в другой род. В противном случае у неё отбирали детей, поскольку считалось, что они принадлежали роду отца [23, с. 25].

Учёный подчёркивал, что браки через похищение женщин не поощрялись, так как приводили к межродовым столкновениям, хотя в прошлом играли большую роль. Об этом свидетельствовал обычай хватания и мнимого похищения невесты во время её переезда в дом мужа [4, с. 165; 24, с. 275—276].

С появлением русских случаи похищения женщин значительно уменьшились, поскольку какими бы усилиями они ни сопровождались, вмешательство администрации влекло за собой беспрекословное возвращение похищенной. Также В.К. Арсеньев сообщал, что нанайцы и орочи неоднократно отмечали тот факт, что под влиянием русских участились случаи бегства жён от своих мужей [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 107].

Таким образом, господствующим способом приобретения жён стала покупка или калым. Женихи из зажиточных семей могли теперь выбирать лучших девушек, нарушая нормы группового брака между родом брата и родом, куда выходила замуж сестра. В таких случаях мужчина, приобретая жену, уже рассматривал её как личную собственность, а это, в свою очередь, приводило к возникновению конфликтов как между мужем и женой, так и между отцом и дочерью [23, с. 31].

Многие авторы подчёркивали широкое бытование у народов Нижнего Амура в прошлом многожёнства. Вторые и третьи жёны входили в семью по обычаю левирата, в случае отсутствия детей у первой жены и необходимости дополнительной рабочей силы. Позже многожёнство стало символом благосостояния и мерилom богатства мужчины, посредством которого он пытался добиться уважения со стороны сородичей [16, с. 166; ПМА за 2001 г.]. Однако В.К. Арсеньев был не совсем согласен с этим мнением, поскольку большому количеству полигамных браков препятствовало численное преобладание мужчин в амурском обществе. Так, согласно переписи 1897 г., соотношение женщин и мужчин у удэгейцев было 81 к 100 [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 87—88].

В.К. Арсеньев отмечал, что немаловажную роль в семье народов Приморья и Приамурья играли половые отношения. Если оба супруга были довольны друг другом, жизнь их протекала мирно, но если это было не так, то жизнь становилась невыносимой для обоих. Согласно обычаю, когда муж входил в юрту, жена должна была немедленно начинать готовить ему еду, стараясь угодить и исполнить все желания. Она сушила обувь мужа, не реже двух-трёх раз в год мыла ему голову и расчёсывала его волосы [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 24; 16, с. 70].

Нерушимым обычаем заключения как ортодоксальных, так и неортодоксальных браков была экзогамия, союзы между близкими род-

ственниками не приветствовались. Нарушителей изгоняли из селения и рода, нарекая при этом оскорбительными терминами — «заяц», «ворона», «щука». Однако встречались исключения из правил: у иманских удэгейцев в случае смерти отца зачастую мать становилась женой сына [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 25]. Возможно, здесь имелся в виду брак пасынка и мачехи, что было достаточно распространённым явлением у тунгусо-маньчжуров.

Во избежание нарушения традиционных норм в родовом обществе имелись специальные термины, характеризующие отношения между близкими родственниками со стороны отца, препятствующие их близкому общению (например, *ланьнт* (нивх.) — стесняться, избегать друг друга). Обычаем взаимного избегания охватывались отношения между братьями и сёстрами, между старшими братьями и жёнами младших братьев, между свёкром и невестками [24, с. 356; 13, с. 265]. В.К. Арсеньев выделил следующие обычаи избегания: брат с сестрой (как правило, старшей) не могли разговаривать, шутить, играть друг с другом, смотреть друг на друга. Брату категорически запрещалось близко подходить к сестре, класть голову ей на колени для туалета головы, курить вместе с ней одну трубку, есть одновременно с сестрой с одного столика, называть её по имени. При встрече вне дома они обходили один другого на расстоянии [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 131]. Отношения между младшей сестрой и старшим братом строго не регламентировались; у орочей сестра участвовала в общей трапезе с братом [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 79].

По тому, как мужчины и женщины общались между собой, можно было определить степень их родства. Чем суше и строже являлись отношения, тем ближе было родство. Мужчина, впервые встретившись с женщиной, сначала выяснял её родословную и, в случае попадания её в запрещённые для него категории, знакомство тут же прекращал. У орочей шутки дозволялись только с женщинами из рода матери и возбранялись с представительницами рода отца. С женщинами из одного с ними рода мужчины никогда не заигрывали и не шутили, тогда как с «дозволенными» вели себя достаточно фривольно [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 49, 131].

Не обошёл своим вниманием В.К. Арсеньев и вопросы юридической защищённости женщины у коренных этносов. Он писал, что разводы, хотя и не запрещались обычаем, были крайне редким явлением. Жена могла требовать развода, если муж дурно с ней обращался, бил, не обеспечивал пищей и одеждой, пьянствовал, удалялся от неё или совсем бросал её и жил с другой женщиной. В таком случае жена сначала просила о вмешательстве род мужа. Если это не действовало, она могла

просить официального развода, и в таком случае калым не возвращался. У орочей, если муж обижал жену, отец последней собирал всех окрестных свидетелей и забирал свою дочь обратно, при этом муж терял право на возврат калыма [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 82]. Род мужа в этом случае мог попросить её, в силу принципа левирата, остаться в роде мужа в качестве жены какого-либо младшего родственника мужа. В случае доказанности вины мужа суд присуждал отцу жены определённое количество денег или вещей, и тот, возвращая дочь зятю, брал их в качестве залога хорошего поведения последнего [23, с. 27]. В случае виновности жены калым возвращался мужу [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 105].

В делах о прелюбодеяниях женщины осуждались «за допущение себя к незаконной связи», и на них возлагалась основная вина за это преступление [8, с. 127]. Удэгейцы нередко решали споры из-за женщины с помощью драки лыжными палками на бревне. Только у них борьба продолжалась до тех пор, пока один из них не просил пощады или не падал с бревна [ПМА за 2002 г.]. В.К. Арсеньев писал, что если муж заставлял жену на месте преступления со своим родным младшим братом, то он просто изгонял его из своего дома, а жену наказывал палками. Подобное мягкое отношение к брату объясняется неписаным правом последнего на жену старшего брата. Если же любовником оказывался человек из другого рода, то на его связь с замужней женщиной смотрели уже как на кражу. В этом случае хозяин бил любовника палками, изгонял из дома и требовал штраф, после чего избивал жену палками, на чём инцидент и исчерпывался [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 134; 21, с. 110].

В.К. Арсеньевым отмечалось, что в целом деяния против личности женщины карались менее строго, чем преступления против мужчины или рода, яркими подтверждениями чего служат размеры штрафов, вносимых за те или иные проступки. Так, у удэгейцев, орочей за похищение девушки нужно было отдать 10 рубашек и 1 котёл, девушка при этом оставалась у похитителя и становилась его женой. За похищение замужней женщины платили уже 10 рубашек, 2 котла и 3 копыя, и женщина возвращалась к мужу [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 56; 10, с. 61]. Увеличение штрафа за похищение замужней женщины, очевидно, было связано с тем, что она уже являлась собственностью своего мужа и его рода [23, с. 27].

Социально-экономическое развитие в Приморье и Приамурье в конце XIX — начале XX в. оказало большое влияние на перемены в семейных взаимоотношениях, в экономике семьи; многие элементы новой культуры стали проникать не только в материальный, но и в юридический

быт. Была введена система штрафов, кровная месть заменялась выкупом, что упрощало разрешение внутривидовых конфликтов. Страх перед русским правосудием ослабил действие кровавого обычая убивать соблазителя на «месте преступления», а жену избивать до полусмерти. Чаще в таких случаях всё ограничивалось «простым» избиением. Смягчились наказания женщин, ужесточились санкции против насильников, мужей-пьяниц и дебоширов [23, с. 30].

В.К. Арсеньев немало строк посвятил описанию хозяйства народов Приморья и Приамурья, которое было натуральным и комплексным, с чётким разделением мужского и женского труда. Каждый мужчина был охотником и рыбаком, владел множеством инструментов, сам изготовлял сети и ловушки. Незамужние девочки-подростки наравне со взрослыми женщинами выполняли домашнюю работу: занимались заготовкой дров, сбором дикоросов, обработкой кож, шитьём. Женщины следили за чистотой жилища, подметали пол крылом птицы, а мусор сжигали на костре. Орочки владели искусством плавания на лодке не хуже мужчин [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 777].

Участие женщин в охоте у удэгейцев, горинских и амурских нанайцев — явление эпизодическое и позднее: старый охотник иногда брал на промысел себе в помощь дочь-девушку или жену без детей. Женщина носила некоторые орудия промысла (топор, нож) и добычу [ПМА за 2002 г.], возила на нартах дрова [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 92; ПМА за 2002 г.]. Гораздо чаще женщины ловили рыбу. Так, женщины удэгейцев, живущих в устьях рек, впадающих в Татарский пролив, практиковали главным образом подлёдный лов с помощью острог из шалашиков над прорубью [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 110].

Для шитья берестяных сосудов и коробок использовали сухожильные и крапивные нитки, а также корни ели или тальника. С корней обычно снимали кожицу, сушили в амбарах без доступа солнца. Перед употреблением их несколько часов вымачивали в воде. Нитки из изюбриных жил, снятых со спины зверя, были прочными и не боялись огня [ПМА за 2002 г.]. Женщины, оголяя колено и вместе с ним большую верхнюю часть ноги, поплёвывая на руку и проводя ладонью по колену, скручивали таким образом нитки и тонкие бечёвки [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 98].

Дочери вплоть до замужества оставались под присмотром матери и старших родственниц, которые прививали им навыки ведения домашнего хозяйства, традиционные эстетические представления, обучали их рукоделию, обработке рыбьих кож, звериных шкур и проч. Девочки учились всему, что полагалось уметь женщине — матери и хозяйке дома:

шить одежду, искусно вышивать, вырезать трафареты орнамента, готовить пищу, делать посуду из бересты. С малых лет они помогали матери, таская воду, нося дрова, чистя рыбу, выделявая кожу и приучаясь владеть иглой, ведь нередко девочку в 5—7-летнем возрасте отдавали замуж, а к 14—15 годам она уже становилась матерью [4, с. 158—159].

В.К. Арсеньев уделил внимание и родильной обрядности коренных народов Приморья и Приамурья. Он отмечал, что беременная за несколько дней до родов уходила в специальный шалаш, который строился либо в виде конического чума, либо в виде двускатного шалаша [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 20. Л. 55; 6, с. 164; 3, с. 21]. Обычно женщина рожала одна, но иногда ей помогала старуха. Дрова, пищу, воду ей подавали через дверь [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 79]. Кричать или плакать при родах не разрешалось, чтобы не привлечь зловредных духов; только что родившегося ребёнка обтирали черёмуховыми стружками и заворачивали в одеяльце; девочку заворачивали в мех рыси, белки или молодой кабарги, мальчика — в медвежий мех; чтобы сбить с толку злых духов, использовали целый ряд названий для ребёнка разных сроков развития [4, с. 150; АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 59; 20, с. 118; МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 75, 79, 81—82; 19, с. 161].

Через 10—14 дней после родов женщина сжигала шалаш и переходила в другой, в котором проводила ещё 10 или 14 суток, после чего она могла вернуться в общее жилище и приступить к своим обычным хозяйственным заботам [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 79; 13, с. 341; 14, с. 85; МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 129. Л. 88—89; 18, с. 36; ПМА за 2002 г.]. Грудью мать кормила ребёнка, когда он начинал плакать. Удэгейские женщины успокаивали младенцев звуками свистка, колыбельными песнями [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 3. Л. 70; 18, с. 60—61].

От незаконно зачатого ребенка старались избавиться ещё в чреве матери; если же он рождался, то старухи заворачивали его в ненужные тряпки и выбрасывали в лес [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 49; Д. 28. Л. 124].

В заключение хочется отметить тот факт, что В.К. Арсеньев неоднократно говорил о жестоком отношении китайских отходников к местным народам и попустительстве царской администрации в этом вопросе. Он писал: «Здесь можно видеть рабство в таком же безобразном виде, в каком оно было когда-то в Америке в её отношении к неграм. Отнимание детей у матерей, насильственная продажа жён, наказания плетьюми, бесчеловечные пытки и увечья — это обычные явления в Уссурийском крае» [2, с. 631].

Зачастую происходило так, что китаец, нанятый удэгейцем или нанайцем на всю полевую или огородную работу, в силу постоянного отсутствия последнего становился вторым хозяином в доме. Эта власть распространялась не только на скарб и угожья нанайца или удэгейца, но и на его семью. Не имея своей жены (китайским отходникам, согласно законодательству их страны, не разрешалось брать с собой женщин), работник всеми силами добивался внимания от жены или дочери хозяина. Китайцы брали себе в жёны тазок силой или же сманивали их различными подарками. Судьба таких женщин была трагична. Молодую тазку с детьми обычно передавали друг другу, старую бросали вместе с детьми на произвол судьбы. Раньше мужчины пытались протестовать и мстить насильникам, но китайцы сурово расправлялись с ними, заставляя женщин и детей присутствовать при их погребении. Тяжела была участь и тазских вдов. Со смертью кормильца в семье являлись кредиторы, которые буквально начисто обирали вдову. Душевные страдания женщины усугублялись страхом перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы продавали как рабов на сторону. Отбирали китайцы женщин и за долги, деля их затем между собой как имущество [4, с. 149].

При этом жаловаться на китайцев русским властям было смертельно опасно. Так, например, на Имане «виновного» в этом человека зимой обливали холодной водой до тех пор, пока он не превращался в ледяную глыбу [2, с. 655—656].

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что В.К. Арсеньев осветил многие стороны истории и культуры коренных народов Приморья и Приамурья, в том числе положение и роль женщины в традиционной семье и обществе. Так, он наглядно доказал существование в прошлом у удэгейцев и орочей материнского рода, отголоски которого нашли своё отражение в брачных церемониях, религиозных воззрениях, календарной обрядности. Во-вторых, учёный подчеркнул неоднозначную роль женщины в семье, зависящую от занимаемого семейного положения — дочери, жены, матери. В-третьих, исследователь отметил многоплановую хозяйственную деятельность женщин: они не только занимались ведением домашнего хозяйства, готовили пищу, выделывали звериные шкуры и рыбы кожи, шили одежду и обувь, плели корзины и циновки, вышивали, изготавливали посуду из бересты, растили детей, но и участвовали в рыбалке, в изготовлении рыболовных сетей, в витье верёвок, сидели на вёслах [АОИАК. Фонд В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 24; ПМА за 2000 г.]. Наконец, В.К. Арсеньев затронул очень важную проблему непростых отношений коренных инородцев с китайскими отходниками и славянскими переселенцами;

неоднократно обращал внимание на увеличивавшийся с каждым годом процент метисации среди местных жителей, неизбежно ведущей к потере ими своего языка и этнического своеобразия. Он писал о том, что соседство с китайцами влияло на быт коренных народов. У них появились фанзы китайского типа, одевались они наполовину по-китайски, наполовину по-своему. Говорили по-манзовски. И только в том случае, если хотели посекретничать, использовали родной язык. «Теперь почти невозможно отличить таз от китайца ни по языку, ни по религии, ни по одежде. Они совершенно утратили свой ороцкий облик» [2, с. 631]. Впрочем, это тема для другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в уссурийском крае. 1900—1908 гг. Доклад (Читано в заседании Отделения этнографии И.Р.Г.О. 25 февр. 1911 г.) // Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2012. Т. 3. С. 323—506. Приложение. С. 631—666.
3. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 48 с.
4. Арсеньев В.К. Лесные люди — удэгейцы // Сочинения: в 6 т. Владивосток, 1948. Т. 5. С. 139—188.
5. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу // Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2011. Т. 2. С. 479—604.
6. Браиловский С.Н. Тазы, или удихэ: Опыт этнографического исследования. СПб., 1901. 219 с. (Отдельный оттиск из журнала «Живая старина»)
7. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. 1948. № 4. С. 78—104.
8. Зибарев З.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 208 с.
9. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
10. История и культура удэгейцев: историко-этнографические очерки / под общ. ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1989. 192 с.
11. Итс Р.Ф. Женский лик Земли. Л.: Лениздат, 1988. 223 с.
12. Крадин Н.Н. Политическая антропология: учебное пособие. М.: Ладомир, 2001. 213 с.
13. Крейнович Е.А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, 1973. 496 с.
14. Ларькин В.Г. Орочи: Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М.: Наука, 1964. 175с.
15. Ларькин В.Г. Религиозные воззрения удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР. Серия: Историческая. Владивосток, 1961. Т. 2. С. 227—240.
16. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922. 372 с. (Записки ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Т. 17.)
17. Лопатин И.А. Орочи — сородичи маньчжур / Общество изучения Маньчжурского края. Харбин, 1925. Т. 17. 30 с.

18. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX—XX вв.: историко-этнографические очерки. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
19. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX—XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 227 с.
20. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
21. Старцев А.Ф. Создание семьи и воспитание детей у удэгейцев (по материалам В.К. Арсеньева) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 108—124.
22. Тихвинский С. Записки миссионера. Воспоминания о жизни гольдов, гиляков, самогирцев, айнецев и других народах, обитающих по Амуру и его притокам: Гиляки // Благовещенские епархиальные ведомости. 1913. № 11. С. 179—186.
23. Фадеева Е.В. Положение женщины у коренных народов Приморья и Приамурья (по материалам В.К. Арсеньева) // Ойкумена, 2017. № 3. С. 22—35.
24. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
25. АОИАК (Арх. Общества изучения Амурского края).
26. МАЭ РАН (Арх. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук).
27. ПМА (Полевые материалы автора).

REFERENCES

1. Avrorin V.A., Lebedeva E.P. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch Texts and Vocabulary]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 264 p. (In Russ.)
2. Arsen'ev V.K. Kitaytsy v ussuriyskom krae. 1900—1908 gg. Doklad (Chitano v zasedanii Otdeleniya etnografii I.R.G.O. 25 fevr. 1911 g.) [The Chinese in the Ussuri Region. 1900—1908. Report (Read at the Meeting of the Department of Ethnography of the I.R.G.O. February 25, 1911)]. *Sobranie sochineniy*: v 6 t. [Collected Works: in 6 Volumes]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2012, vol. 3, pp. 323—506, supplement, pp. 631—666. (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. *Lesnye lyudi udekheytsy* [Forest People — Udeheyttsy]. Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1926, 48 p. (In Russ.)
4. Arsen'ev V.K. Lesnye lyudi — udekheytsy [Forest People — Udeheyttsy]. *Sochineniya*: v 6 t. [Works: in 6 Volumes]. Vladivostok, 1948, vol. 5, pp. 139—188. (In Russ.)
5. Arsen'ev V.K. Skvoz' taygu [Through the Taiga]. *Sobranie sochineniy*: v 6 t. [Collected Works: in 6 Volumes]. Vladivostok, Rubezh Publ., 2011, vol. 2, pp. 479—604. (In Russ.)
6. Brailovskiy S.N. *Tazy, ili udikhe: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Tazy, or Udikhe: Experience of Ethnographic Research]. Saint Petersburg, 1901, 219 p. (Otdel'nyy ottisk iz zhurnala "Zhivaya starina" [Separate Print from the Magazine "Live Antiquity"]) (In Russ.)
7. Vasil'ev B.A. Medvezhiy prazdnik [Bear Holiday]. *Sovetskaya etnografiya*, 1948, no. 4, pp. 78—104. (In Russ.)
8. Zibarev Z.A. *Yustitsiya u malykh narodov Severa (XVII—XIX vv.)* [Justice among the Small Peoples of the North (17th—19th Centuries)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1990, 208 p. (In Russ.)
9. Zolotarev A.M. *Rodovoy stroy i religiya ul'chey* [Tribal System and Religion of the Ulchij]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1939, 206 p. (In Russ.)

10. *Istoriya i kul'tura udegeytssev: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and Culture of the Udege: Historical and Ethnographic Essays]. General ed. by A.I. Krushanov. Leningrad, Nauka Publ., 1989, 192 p. (In Russ.)
11. Its R.F. *Zhenskiy lik Zemli* [The Female Face of the Earth]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1988, 223 p. (In Russ.)
12. Kradin N.N. *Politicheskaya antropologiya: uchebnoe posobie* [Political Anthropology: Study Guide]. Moscow, Ladamir Publ., 2001, 213 p. (In Russ.)
13. Kreynovich E.A. *Nivkhgu: Zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura* [Nivkhgu: Mysterious Inhabitants of Sakhalin and Amur]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 496 p. (In Russ.)
14. Lar'kin V.G. *Orochi: Istoriko-etnograficheskiy ocherk s serediny XIX v. do nashikh dney* [Orochi: Historical and Ethnographic Essay from the Middle of the 19th Century to the Present Day]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 175 p. (In Russ.)
15. Lar'kin V.G. *Religioznye vovzreniya udegeytssev* [Religious Beliefs of the Udege]. *Trudy DVF SO AN SSSR*, series "Istoricheskaya". Vladivostok, 1961, vol. 2, pp. 227–240. (In Russ.)
16. Lopatin I.A. *Gol'dy amurskie, ussuriyskie i sungariyskie: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Amur, Ussuri and Sungari Golds: An Ethnographic Research Experience]. Vladivostok, 1922, 372 p. (Zapiski OIAK Vladivostokskogo otdeleniya PORGO. T. 17 [Notes of the OIAK of the Vladivostok branch of PORGO. Vol. 17]) (In Russ.)
17. Lopatin I.A. *Orochi — sorodichi man'chzhur* [Orochi — Relatives of the Manchus]. Ed. by Society Studying Manchuria. Kharbin, 1925, vol. 17, 30 p. (In Russ.)
18. Podmaskin V.V. *Dukhovnaya kul'tura udegeytssev XIX—XX vv.: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Spiritual Culture of the Udege in the 19th–20th Centuries: Historical and Ethnographic Essays]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1991, 160 p. (In Russ.)
19. Podmaskin V.V. *Narodnye znaniya udegeytssev: istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam XIX—XX vv.* [Folk Knowledge of the Udege: a Historical and Ethnographic Study Based on Materials from the 19th–20th Centuries]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1998, 227 p. (In Russ.)
20. Smolyak A.V. *Ul'chi: Khozyaystvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashchem* [Ulchi: Economy, Culture and Life in the Past and Present]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 290 p. (In Russ.)
21. Startsev A.F. *Sozdanie sem'i i vospitanie detey u udegeytssev (po materialam V.K. Arsen'eva)* [Creating a Family and Raising Children among the Udege (Based on the Materials of V.K. Arseniev)]. *Sem'ya i semeynyy byt v vostochnykh regionakh Rossii* [Family and Family Life in the Eastern Regions of Russia]. Vladivostok, 1997, pp. 108–124. (In Russ.)
22. Tikhvinskiy S. *Zapiski missionera. Vospominaniya o zhizni gol'dov, gilyakov, samogirtsev, ayntsev i drugikh narodakh, obitayushchikh po Amuru i ego pritokam: Gilyaki* [Missionary Notes. Memories of the Life of the Golds, Gilyaks, Samogirs, Ainz and other Peoples Living along the Amur and its Tributaries: Gilyaks]. *Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti*, 1913, no. 11, pp. 179–186. (In Russ.)
23. Fadeeva E.V. *Polozhenie zhenshchiny u korennykh narodov Primor'ya i Priamur'ya (po materialam V.K. Arsen'eva)* [The Position of Women among the Indigenous Peoples of Primorye and the Amur Region (Based on Materials by V.K. Arseniev)]. *Oyukomena*, 2017, no. 3, pp. 22–35. (In Russ.)
24. Shternberg L.Ya. *Gilyaki, orocho, gol'dy, negidal'tsy, ayny* [Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals, Ainu]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 740 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 18.03.2022